

Цинь Чаочэнь густо покраснел. Во взгляде его читалось какое-то смущение, словно в нём таилась искра нежных чувств.

Он отстегнул ремень безопасности:

— Приехали, а ты всё ещё за рулем.

Фу Цюэчжи на мгновение опешил, но вышел из машины с совершенно невозмутимым видом.

— Все мы взрослые люди, что тут такого, — холодно произнёс он. Бросив взгляд на Цинь Чаочэня, он заметил, что тот шагает так быстро, будто за ним кто-то гнался.

Цинь Чаочэнь никак не ожидал, что обладающий столь холодным и отрешённым видом Фу Цюэчжи способен произнести подобное. Стоило ему вспомнить студенческие годы, как внутри у него всё закипало.

В памяти всплывали картины: как Фу Цюэчжи бесчинствовал в студенческом совете, как его самого за опоздание не пускали в учебный корпус, как у них в общежитии отбирали кипятильники и кастрюли, и как этот староста злоупотреблял служебным положением, покрывая остальных, но к нему самому относился невероятно строго.

Пройдя пару шагов с грозным видом, Цинь Чаочэнь сбавил шаг, дожидаясь Фу Цюэчжи.

— Ты в школе что, специально ко мне цеплялся? — задрав подбородок, спросил Цинь Чаочэнь.

— И к Хэ Цзэ тоже.

Фу Цюэчжи сделал вид, что оскорблён:

— Это была работа студенческого совета, я не мог её не выполнять.

Услышав имя Хэ Цзэ, он почувствовал инстинктивное отвращение:

— Хэ Цзэ? С чего бы мне к нему цепляться?

— Ну неужели нельзя было проявить чуточку гибкости? — Цинь Чаочэнь укоризненно покачал головой, показывая пальцами крошечный зазор.

Он слегка подался вперёд:

— Говори погромче, здесь же только мы двое.

Фу Цюэчжи усмехнулся:

— Откуда же я знал, что в будущем у нас будут такие отношения.

Сегодня мне как-то тоскливо.

Вернувшись домой, Цинь Чаочэнь лег спать вместе с Цинь Шу. Малыш показал ему маленькую красную звёздочку, которую дал воспитатель:

— Папа, смотри, какую звёздочку дали! Я сегодня сам помыл миску.

С этими словами безумная борьба Цинь Чаочэня прекратилась. Он чувствовал себя немного неловко: кто вообще когда-либо обнимал его за талию? А теперь Фу Цюэчжи прижался к его плечу, и жар его дыхания обжигал ухо.

Цинь Чаочэнь похлопал Фу Цюэчжи по спине, демонстрируя невероятную верность:

— Не бойся, я с тобой, в обиду не дам.

Обнимая Цинь Шу, Цинь Чаочэнь терпеливо спросил:

— Зачем ты сам мыл миску?

Изумрудные мочки ушей Цинь Чаочэня покрылись розоватым румянцем, напоминая спелый и сочный фрукт. Тепло и тяжесть тела Фу Цюэчжи невозможно было игнорировать, а учитывая его внешность, он всегда находился в центре внимания.

Фу Цюэчжи перехватил руку Цинь Чаочэня и прошептал ему на укр:

— Жалко продавать.

Цинь Шу серьёзно пояснил:

— Тётя в столовой не успевала, вот я и помыл тайком. Я ведь всё доел!

Раз уж они друзья, он ни за что не позволит обижать Фу Цюэчжи. Если кто-то посмеет его обидеть... В голове Цинь Чаочэня промелькнула одна очень знакомая фраза.

Цинь Чаочэнь резко закрыл уши руками, с недоверием глядя на Фу Цюэчжи, которого застали врасплох, и устался на него полными слёз глазами.

Последнюю фразу Цинь Чаочэнь расслышал плохо, она прозвучала слишком тихо, но он легко кашлянул:

— В общем, больше так не делай. Кем бы мы теперь ни приходились друг другу... мы хорошие друзья, а друзей не продают.

От этого вида Фу Цюэчжи захотелось дразнить его ещё сильнее.

Не в силах сдержать внутреннее волнение, заметив, что Цинь Чаочэнь стоит слишком близко, Фу Цюэчжи затрепетал длинными ресницами и вдруг протянул руки, заключая Цинь Чаочэня в объятия.

— Понял, — тихо произнёс Фу Цюэчжи. — Жалко продавать.

Фу Чантянь был очень строг с Фу Цюэчжи.

Задумавшись об этом, он понял, что семья Фу действительно относилась к нему не лучшим образом. До сих пор Цинь Чаочэнь так и не повидал настоящую семью Фу, да и нынешнее состояние Фу Цюэчжи явно не располагало к расспросам.

Тогда он просто возьмет и отдубасит их всех разом.

Настолько строго, что Фу Цюэчжи даже не разрешали нормально поесть.

Он пробормотал невнятно:

— Я давно уже научился гибкости.

— Умница, сынок, — Цинь Чаочэнь не удержался и чмокнул Цинь Шу в правую щеку.

Глазки Цинь Шу заблестели:

— Папа, а расскажи сказку, а?

Цинь Чаочэнь призадумался:

— Малыш Цинь Шу, сделайте заказ.

— Хочу сказку про русалочку. — Цинь Шу протянул отцу стоявшую у изголовья книгу сказок и с надеждой уставился на него.

Деваться было некуда, и Цинь Чаочэнь начал читать историю о русалочке. На середине истории Цинь Шу захныкал и заплакал. Низкий и приятный голос Цинь Чаочэня смягчал царящую в сказке печаль, и Цинь Шу сквозь слёзы подгонял его:

— Папа, ну читай же дальше, читай!

Ого, да тут настоящий сериал! Увлёкшись книгой сказок, Цинь Чаочэнь и сам вложил в чтение все эмоции.

— В конце русалочка превратилась в морскую пену на палубе и исчезла. Принц и принцесса поженились и жили долго и счастливо. Принц уже не помнил о русалочке: на свадьбе он пообещал священнику любить принцессу всей душой и брать её в жёны в богатстве и бедности, в здравии и болезни...

Цинь Шу:

— Уа-а-а-а!

Цинь Шу:

— Почему, почему? Быть вместе с принцем — это совсем нехорошо!

— Русалочка ещё встретит принца?

— Наверное... нет.

— Ууу-у-у, а русалочка жива?

— ...Возможно, она превратилась в звёздочку.

Цинь Шу знал, что превратиться в звёздочку — значит исчезнуть навсегда. Сквозь слёзы он всхлипнул:

— Какая же русалочка несчастная... Ее мама с папой, наверное, так горевали.

Цинь Чаочэнь опешил: он никак не ожидал, что Цинь Шу вспомнит про маму с папой.

— Шу-шу.

Услышав шум, из соседней комнаты вышел Фу Цюэчжи:

— Что случилось?

— Русалочка превратилась в пену! — сквозь слёзы выпалил Цинь Шу. Одной рукой он вцепился в полу одежды Цинь Чаочэня и отказывался поднимать голову, а другой судорожно сжимал сказочную книгу, отобранную у отца, словно пытаясь почерпнуть из неё силы.

Фу Цюэчжи серьёзно произнёс:

— Русалочка превратилась в прекрасную пену и опустилась на морское дно, а колдун снова спас её. Оказалось, что в тёмных глубинах океана колдуна никто не любил, но русалочка этого не боялась. На самом деле колдун всегда очень любил русалочку — даже сильнее, чем принц.

Цинь Шу:

— Почему на дне моря не любят колдуна?

Фу Цюэчжи:

— Может быть, потому что он некрасивый, а может — из-за его угрюмого нрава.

Цинь Шу:

— Раз колдун любит русалочку, они будут вместе?

Фу Цюэчжи ответил:

— Не знаю, у этой истории нет конца.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Фу Цюэчжи на ходу сочинил сказку без конца и успокоил Цинь Шу.

— Значит, колдун — это супермен русалочки, — довольно заключил Цинь Шу, послушно забираясь под одеяло.

Цинь Чаочэнь и Фу Цюэчжи на цыпочках вышли из комнаты.

— Фу Цюэчжи, а колдун правда любил русалочку? — с надеждой заглядывая ему в глаза, спросил Цинь Чаочэнь.

Фу Цюэчжи задумался:

— Колдун всегда шёл на любые сделки: русалочка отдала голос за человеческие ноги, а колдун был единственным, кто мог её спасти. То, что русалочка не могла получить желаемое, и то, что колдуна никто не любил... Сама по себе любовь стала для колдуна спасением. Впрочем, был и другой вариант: родные русалочки пожертвовали чем-то дорогим ради её спасения.

Черты лица Фу Цюэчжи были холодными и утончёнными, а светлые губы плотно сжаты. Слова Фу Цюэчжи задели какие-то струны в душе Цинь Чаочэня, и тот смущённо отвёл взгляд.

— Фу Цюэчжи, а ты никогда не думал о трёхмерных Ультраменах и всяком таком?

— Я не люблю мультфильмы.

Цинь Чаочэнь не унимался:

— Ну а всё-таки, думал?

Фу Цюэчжи:

— Думал.

Глаза Цинь Чаочэня согнулись в полумесяцы:

— Мне очень нравится твоя сказка про русалочку, и Ультрамены тоже нравятся. Как-нибудь мы сможем вместе сходить в парк развлечений, Фу Цюэчжи.

Они оба уже родители, и Фу Цюэчжи посмотрел на Цинь Чаочэня.

— Взрослые тоже имеют право мечтать, — проворчал Цинь Чаочэнь. — Мы вполне можем пойти в парк развлечений.

— На крайний случай возьмём с собой Шу-шу.

Кто бы знал, собирался ли он развлекаться в одиночку или семья из трёх человек планировала пойти вместе.

Цинь Чаочэнь потянул Фу Цюэчжи за рукав:

— Идёт?

Что оставалось делать Фу Цюэчжи?

— Идёт.

Цинь Чаочэнь чуть не подпрыгнул:

— Фу Цюэчжи, тогда спокойной ночи!

Вот тебе и полезный человек: сделал дело и тут же мосты сожжёт. Фу Цюэчжи очень хотел затащить Цинь Чаочэня в спальню. С тех пор как Цинь Чаочэнь попал в аварию, эта нива у него долго простаивала без дождя.

Этой ночью Цинь Чаочэнь спал вместе с Цинь Шу. Оба, большой и маленький, мирно и послушно устроились под одеялом.

А вот Фу Цюэчжи в ту ночь вспомнил то, о чём раньше старался не думать.

В детстве отец снова запер его в саду. Казалось, весь дом забыл о его существовании, а в животе остро урчало от голода. Оставалось лишь прижаться спиной к стене и обхватить колени руками.

Фу Цюэчжи давно привык к тому, что Фу Чантянь запирает его в саду, но тело всё равно дрожало от страха, а желудок сводило от спазмов, заставляя плакать.

Фу Чантянь запрещал ему смотреть мультфильмы, но в самой природе Фу Цюэчжи жила бунтарская искра — тайком он украдкой заглядывал в экран, пугаясь любого шороха, словно птица, обжегшаяся на ловце, и не смея смотреть дальше.

Он вспоминал волшебный карман Дораэмона, где можно было отыскать всё, что пожелаешь. Фу Цюэчжи обшарил карманы своей одежды, но там было пусто — ни волшебной двери, ни съедобной крошки, способной утолить голод.

Тогда он начал мысленно перебирать названия блюд. Он никогда не пробовал жареную курицу, никогда не пил колу и ни разу не был в парке развлечений — вся его жизнь проходила взаперти.

— Как есть хочется, — всхлипывал Фу Цюэчжи.

В этом особняке никто не смел ослушаться приказов главы семьи.

Вдруг из-за соседней стены перелетел бумажный шарик. Фу Цюэчжи так испугался, что не смел вымолвить ни слова; он обнял себя руками и мысленно призвал Дораэмона.

По ту сторону стены раздался мальчишеский голос:

— Ты что, очень голоден? В этом бумажном шарике чистая и вкусная выпечка.

Голос мальчика был чистым и звонким.

Судьбы порой удивительны: две пересекающиеся параллельные линии в какой-то точке внезапно сталкиваются, скрещаются, порождая бесчисленные узлы, вызывают химическую реакцию и в конце концов сливаются в единую нить, сплетаясь намертво и заставляя добровольно сдаться в плен.

Цинь Чаочэнь забрел в сад от скуки. На противоположной стороне стены Фу Цюэчжи развернул бумажный пакет и стал запихивать сладости в рот, жуя и плача — всё громче и громче.

— Невкусно что ли? Ты чего?! Я сам такое ел, всё нормально! — Голос мальчишки за стеной начал тревожиться.

— Дворецкий! Мне нужно туда! — поспешно позвал Цинь Чаочэнь дядю-управляющего.

— Юный господин, поздно уже, куда вы собрались? — Управляющий вышел из гостиной, с удивлением на лице.

— Мне нужно за ту стену!

<http://bllate.org/book/21015/2136484>